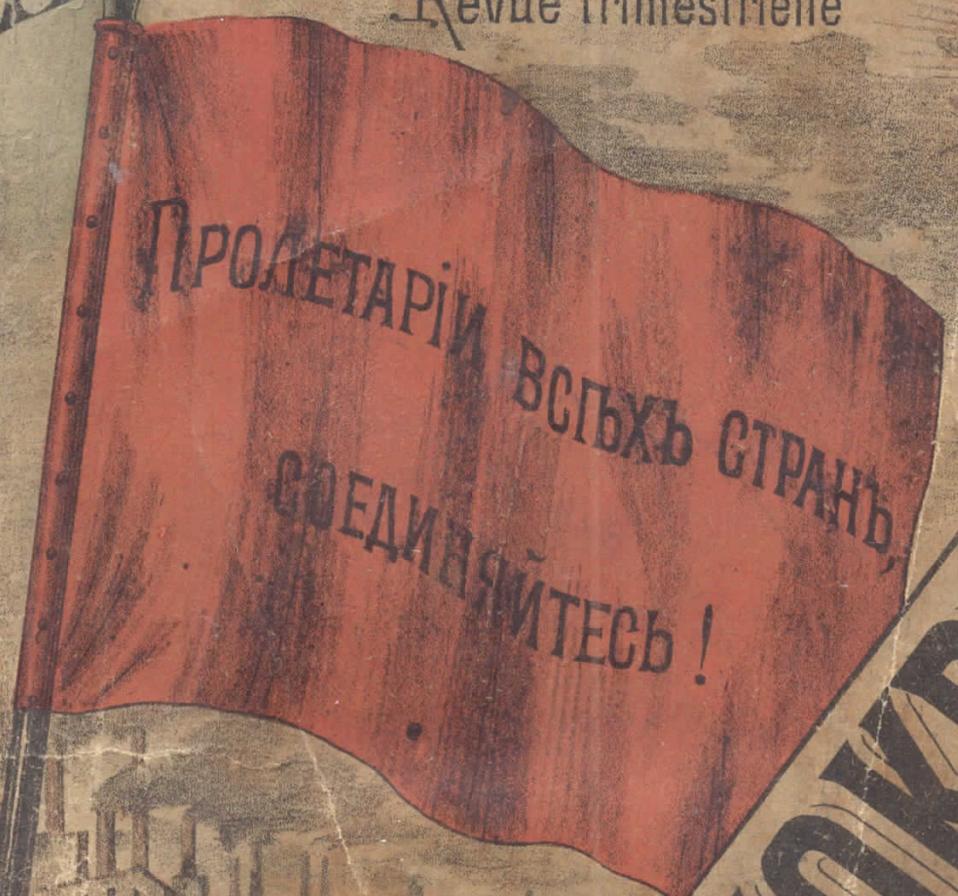

LE DÉMOCRATE-SOCIALISTE.

Revue trimestrielle

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

N° 1

ТРЕХМѢСЯЧНОЕ
ЛИТЕРАТУРНО
ПОЛИТИЧЕСКОЕ

БОЗРЪНІЕ

ЛОНДОНЪ

ТИПОГРАФІЯ „СОЦІАЛЬ-ДЕМСКРАТА”

1890

П 12150.

Russischer Leserverein

LE

93

DÉMOCRATE-SOCIALISTE

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ

трехмѣсячное
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
обозрѣніе.

ФЕВРАЛЬ
книга первая.

ЛОНДОНЪ

Типографія "Соціаль-Демократа"
1890

Содержаніе.

	Стр.
ОБЪ ИЗДАНИИ „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТА“	1
УЛИЧНАЯ ТОРГОВКА, разсказъ Поля Эзи, переведено съ французскаго.	3
НАШИ БЕЛЛЕТРИСТЫ - НАРОДНИКИ. Статья вторая (С. Каронинъ). Г. Плеханова	12
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ ИЗЪ БУРЖУАЗНОЙ СРЕДЫ В. Засуличъ	49
Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ. Г. Плеханова	79
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА РУССКАГО ЦАРСТВА . Фридриха Энгельса	175

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ

СТОЛѢТІЕ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.	1
МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАБОЧИЙ СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ КОНГРЕССЪ ВЪ ПАРИЖѢ (14 — 21 іюля 1889). Новаго Товарища.	16
ПО ПОВОДУ СТАЧКИ НА ЛОНДОНСКИХЪ ДОКАХЪ. Письмо въ Редакцію. Элеоноры Марксъ-Эвелингъ	35
ОТРЕЧЕНІЕ БУРЖУАЗІИ. (Изъ нѣмецкаго „Соціалъ-демократа“) Фрид. Энгельса.	41
ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ.	46
ИЗМѢНЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ССЫЛЬНЫХЪ ВЪ ЯКУТСКѢ.	58
НОВЫЯ КНИГИ	75
АРЕСТЫ ВЪ РОССІИ	108

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

„Вѣчная смѣна формъ, вѣчное отверженіе формъ, порожденной извѣстнымъ содержаніемъ или стремленіемъ, вслѣдствіе усиленія того же стремленія, высшаго развитія того же содержанія, — кто позналъ этотъ великій, вѣчный, повсемѣстный законъ, кто и учился примѣнять его ко всякому явленію, — о, какъ спокойно призываетъ онъ шансы, которыми смущаются другіе!... Онъ не жалѣетъ ни о чемъ, отживающемъ свое время, и говоритъ: пусть будетъ, что будетъ, а будетъ въ кѣницѣ концовъ все таки на нашей улицѣ праздникъ!“

Н. Г. Чернышевскій.

Почти немедленно по воцареніи Александра III охранительная печать торжественно увѣдомила читающую публику о томъ, что „правительство идетъ“. Это было очень странное извѣстіе, такъ какъ никто не подозрѣвалъ, что русское правительство находилось до того времени въ отсутствіи. Но недоумѣніе публики продолжалось не долго. Скоро всѣ увидѣли, что подъ пришествіемъ правительства охранители понимаютъ пришествіе крайней реакціи. Казалось бы, что реакціонными мѣрами трудно удивить русскаго человѣка. Наши самодержцы никогда не заходили далеко по пути либерализма. Нѣсколько полулиберальныхъ полуреформъ, значеніе которыхъ, и безъ того уже очень ограниченное, тотчасъ же суживалось разными добавленіями и прибавленіями, — вотъ все, на что рѣшались русскіе монархи даже во время самыхъ сильныхъ увлеченій своихъ либерализмомъ. При томъ же либеральный періодъ ихъ царствованія продолжался обыкновенно не долго. Пошавивъ полуреформами, они скоро приходили въ разсудокъ, остепенялись и по примѣру „возлюбленныхъ“, „въ Бозѣ почившихъ“ предковъ своихъ принимались за рѣшеніе истинной задачи русскаго царизма, которая заключается, какъ извѣстно, въ измышленіи всякаго рода „препонъ и препятствій“. Наконецъ, много-ли можно насчитать у насъ даже и такихъ, хоть на короткое время увлекавшихся либерализмомъ, самодержцевъ? Разъ, два, да и обчелся! Повторяемъ, русскаго человѣка трудно изумить реакціонными подвигами. Но Александру III удалось сдѣлать это трудное дѣло. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сѣлъ на прародительскій престолъ, русскіе люди только и дѣлаютъ, что изумляются. Каждый годъ, каждое полугодіе, почти каждый мѣсяцъ приносятъ съ собою новую „контръ-реформу“, и каждая новая контръ-реформа по своему реакціонному направленію далеко оставляетъ за собою всѣ предшествовавшія. Мы долго не кончили бы, если бы вздумали перечислять всѣ реакціонные подвиги Александра III. Достаточно сказать, что все царствованіе

его отца считается имъ одной сплошной ошибкой, вся правительственная система Александра II кажется ему крайне неблагонамѣренной, чуть-ли не якобинской. Извѣстно, что празднованіе двадцатипятилѣтія крестьянскаго освобожденія было запрещено въ Россіи. Извѣстно также, какъ ломаются теперь земскія и судебныя учрежденія. Нѣжный, почтительный сынъ рѣшился до конца истребить все сдѣланное „обожаемымъ родителемъ“. И онъ ни передъ чѣмъ не останавливается для достиженія этой цѣли, онъ идетъ на проломъ, обнаруживая изобрѣтательность, настойчивость и неусыпность шедринскаго „помпадура борьбы“, Федяньки Кротикова. Мы переживаемъ теперь періодъ реставраціи николаевскихъ порядковъ. Это и значитъ на языкѣ охранителей, что правительство *пришло*.

Переживаемая нами реставрація по отличительнымъ свойствамъ своимъ похожа на всѣ другія реставраціи: много лицемерія, много шума, много свирѣпости, часто безцѣльной и бесполезной, много реакціонной реторики и вмѣстѣ съ тѣмъ,—у всѣхъ сколько нибудь проницательныхъ сторонниковъ реакціи,— мало искренней вѣры въ успѣхъ предпринятаго дѣла. Сознаніе невозможности вернуть безвозвратно минувшее ставитъ обыкновенно гг. реставраторовъ въ двойственное, противорѣчивое положеніе. Они „пскореняютъ“ отдѣльныхъ личностей, ломаютъ учрежденія, разрушаютъ уже сложившіяся и окрѣпшія *формы* народной жизни, но часто даже и не пытаются остановить ея общаго, глубокаго *теченія*, идущаго совсѣмъ не туда, куда хотѣлось бы „*прийти*“ правительству. Мало того, теченіе это уноситъ ихъ съ собою и заставляетъ ихъ собственными руками доканчивать разрушеніе той самой основы, на которой только и могли бы укрѣпиться дорогіе имъ политическіе и соціальныя порядки. Поэтому никакія реставраціи никогда и ничего на долго не раставрируютъ. Конечно, онѣ дѣлаютъ много зла какъ отдѣльнымъ лицамъ и сословіямъ, такъ и всей странѣ въ ея цѣломъ. Упавшимъ духомъ друзьямъ прогресса кажется подчасъ, что ненавистная имъ старина воскресла съ новыми силами. Но проходитъ нѣкоторое время,— и зданіе старыхъ порядковъ, „реставрированное“ съ такимъ трудомъ, шумомъ и гвалтомъ, разлетается какъ карточный домикъ, а на развалинахъ его водворяются новыя общественныя формы, въ которыя необходимо должно было вылиться историческое теченіе страны. Жизнь оказывается безконечно сильнѣе полицейскихъ распоряженій, и какъ ни мудрятъ надъ нею „охранители“, она въ концѣ концовъ обращаетъ себя на пользу даже ихъ реакціонныя „мѣропріятія“.

Какъ ни усердно заняты своимъ дѣломъ помпадуры Александра III, но соціальный строй Россіи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе удаляется отъ ихъ идеала. Въ глубинѣ народной жизни происходятъ непоощадная и непрерывная ломка старыхъ порядковъ. Возникающія на ихъ мѣстѣ новыя отношенія частью еще не вполне оформились, однако общій характеръ этихъ отношеній достаточно опредѣлился уже и въ настоящее время. Достаточно ясно и то, что эти новыя отношенія находятся въ полнѣйшемъ, непримиримомъ противорѣчій съ стремленіями реакціонеровъ.

Разрушеніе старыхъ „устоевъ“ народной жизни въ значительной

степени причиняется уже простымъ механическимъ давленіемъ государства на общину. Объ этомъ уже много было говорено въ русской литературѣ, поэтому нѣтъ надобности входить въ подробныя объясненія на этотъ счетъ. Укажемъ лишь на одно относящееся сюда и очень характерное явленіе. Передъ нами № 282 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1887 годъ. Мы находимъ тамъ слѣдующее извѣстіе: „Смоленская губ. За послѣдніе годы здѣсь особенно часто стали встрѣчаться случаи досрочнаго выкупа крестьянами своихъ надѣловъ. Результаты такихъ операцій уже начинаютъ обозначаться довольно ясно. Теперь для всякаго, даже не особенно наблюдательнаго чловека, въ деревнѣ съ первыхъ же шаговъ замѣтно что-то неладное. Юхновскій уѣздъ, по числу выкупленныхъ надѣловъ, занимаетъ первое мѣсто въ губерніи. До 1887 г., какъ видно изъ данныхъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, 167 лицами выкуплено 760 надѣловъ. Въ уѣздахъ же: Гжатскомъ, до 1886 года, выкуплено 224 лицами 629 над., въ Сычевскомъ, къ тому же времени, 174 лицами 498¹/₂ и въ Вяземскомъ 74 лицами только 222 надѣла. Въ остальныхъ уѣздахъ число выкуповъ, къ счастью, не такъ значительно. Замѣчательно то, что большій процентъ выкупленныхъ надѣловъ въ нашей губерніи приходится именно на уѣзды неплодородные и потому мало-земледѣльческіе, гдѣ крестьяне большую часть года питаются хлѣбомъ, покупаемымъ на деньги, добытыя въ большинствѣ случаевъ сторонними заработкамъ, на каковыя и уходитъ почти поголовно все мужское населеніе. (См. В.)“ Какъ вы думаете, читатель, чѣмъ объясняется такое противорѣчивое явленіе: крестьяне землей очевидно не дорожатъ, питаются покупнымъ хлѣбомъ и почти поголовно уходятъ на сторону, а между тѣмъ торопятся выкупить свои надѣлы? Не правда-ли, это очень странно? Было бы странно, если бы лежащія на крестьянскихъ земляхъ платежи не превышали ихъ доходности. А теперь не только не странно, но какъ нельзя болѣе естественно. Такъ какъ земля у насъ во многихъ мѣстностяхъ не только не обезпечиваетъ благосостоянія крестьянина, но является для него источникомъ всякаго рода обремененій, то неудивительно, что онъ старается раздѣлаться съ нею. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для этого является выкупъ земли и ея отчужденіе. И вотъ умножаются „досрочные выкупы надѣловъ“. Здѣсь представляется, повидному, новое противорѣчіе: выкупаютъ до срока земли — значитъ имѣютъ деньги, а если имѣютъ деньги, то кажется ясно, что малоземелье и высокіе платежи не въ конецъ еще подорвали благосостояніе крестьянства и что толки о крестьянскомъ раззореніи неосновательны. Но и это противорѣчіе разрѣшается очень простымъ образомъ. Изъ наблюдений по другимъ губерніямъ видно, что досрочные выкупы часто производятся состоятельными крестьянами съ цѣлью оградить себя отъ увеличенія надѣла и связанныхъ съ нимъ платежей. Это, разумѣется, возможно только тамъ, гдѣ платежи превышаютъ доходность земель. Тамъ же, гдѣ между доходностью и платежами существуетъ обратное отношеніе, досрочные выкупы не всегда выгодны для состоятельныхъ крестьянъ, потому что увеличеніе надѣла приноситъ имъ прибыль, а не раззореніе. За то въ такихъ случаяхъ до-

срочный выкупъ совершается перѣдко бѣднѣйшими крестьянами, которымъ закабалившіе ихъ кулаки даютъ на него деньги, съ тѣмъ, чтобы присоединить выкупленную землю къ своимъ владѣніямъ (См. въ октябрьской книжкѣ „Трудовъ Вольно-экономическаго Общества“ за 1887 г. статью г. Миллера о досрочныхъ выкупахъ въ Моршанскомъ и Кирсановскомъ уѣздахъ Тамбовской губерніи).

Но какими бы соображеніямъ ни совершались выкупы крестьянскихъ земель, они ведутъ къ разложенію общины уже по той причинѣ, что величина надѣловъ крестьянъ-собственниковъ остается неизмѣнной. За каждымъ домохозяиномъ упрочивается владѣніе именно тѣмъ числомъ десятинъ, за которое онъ внесъ выкупъ: на уменьшеніе своего надѣла каждый такой домохозяинъ согласится только тогда, когда налоги на землю превышаютъ ея стоимость. Но въ такомъ случаѣ ему выгоднѣе навсегда раздѣлаться съ землею, что онъ и не замедлитъ сдѣлать въ качествѣ собственника. Конечно, возможно еще и такое положеніе дѣлъ, при которомъ большинству членовъ общины выгоднѣе будетъ настаивать на новомъ передѣлѣ выкупленныхъ земель. Такъ называемыя „многодушныя семьи“, пользовавшіяся большимъ числомъ надѣловъ и вносившіе выкупъ за нихъ, могутъ стать, какъ говоритъ крестьяне, „малодушными“. Если такихъ семей окажется много, то „міру“ выгоднѣе будетъ приступить къ новому передѣлу. Такіе случаи и происходятъ въ дѣйствительности, и на нихъ то особенно охотно ссылаются наши народники для доказательства прочности „устоевъ“: посмотрите, молъ, они съ успѣхомъ сопротивляются даже разлагающему вліянію выкупа. Но такіе случаи доказываютъ лишь то, что крестьянинъ не поцеремонится оттягать у своего сосѣда землю, если только къ тому представится возможность. Въ этомъ мы никогда не сомнѣвались. Но мы очень сомнѣваемся въ томъ, что многія общины крестьянъ-собственниковъ согласятся *повторять* подобные передѣлы. Для повторенія ихъ нужно довольно рѣдкое сочетаніе интересовъ, становящееся все менѣе и менѣе возможнымъ въ виду возрастающей запутанности вѣхъ деревенскихъ отношеній. Благодаря этой запутанности самые передѣлы земель являются въ современной общинѣ лишь дѣломъ добычи между деревенскими кулаками. Хотите-ли знать — почему? Пусть объяснитъ это одинъ изъ самыхъ горячихъ нашихъ народниковъ Н. Н. Златовратскій. „Передѣлъ все больше и больше теряетъ свое практически-раціональное значеніе и дѣлается игрой въ „свалку и навалку душъ“, при которой, на второй же день послѣ передѣла, только что уравненные надѣлы снова складываются въ прежнее *statu quo*, съ незначительными измѣненіями: надѣлы подбираются экономически-мощными холевами, иногда группирующими въ своихъ рукахъ до 8-10 надѣловъ, обрабатывать которые нанимаютъ батраковъ, между тѣмъ какъ сами хозяева этихъ надѣловъ уходятъ въ города, въ заработки или въ батраки на собственные надѣлы.“

Современный „міръ“ взваливаетъ на крестьянина такую массу тяготы и отвѣтственности, что бѣдняки стараются просто раздѣлаться съ землею, люди же зажиточные, имѣющіе возможность обрабатывать землю, часто стремятся раздѣлаться по крайней мѣрѣ съ общиной.

Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи крестьяне, выкупившіе свои надѣлы, „подавали заявленія съ надлежащими документами о зачисленіи ихъ въ разрядъ частныхъ землевладѣльцевъ, особливо отъ земли селъскаго общества“ (Русскія Вѣдомости, № 301, 1887 г.). Херсонская казенная палата не уважила ихъ ходатайства и наши народники, вѣроятно, очень благодарны ей за это. Но когда известное стремленіе коренится въ экономическихъ условіяхъ общества, его не подавятъ никакія палаты. Община прочно держалась до тѣхъ поръ, пока держаться за нее выгодно было общинникамъ. Теперь, когда она, утративъ всѣ свои выгодныя стороны, становится простымъ орудіемъ угнетенія крестьянства, она быстро идетъ къ разложенію. Она должна быть разрушена и она разрушается и разрушится окончательно если не тѣмъ, такъ другимъ путемъ.

Посмотрите, какъ все въ современной русской жизни способствуетъ ей разрушенію. Правительство хотѣло оказать поддержку крестьянскому землевладѣнію и устроило крестьянскій поземельный банкъ. Народники не замедлили воспользоваться при сей вѣрной оказіи, и уже заранѣе говорили о предстоящемъ упроченіи устоевъ. Вышло, однако, не то. Не угодно-ли вамъ вникнуть въ отчетъ о дѣятельности крестьянскаго банка въ 1888 году (Русскія Вѣдомости, Декабрь, 1889 г. №№ 358 и 360). Изъ отчета видно, что въ 1888 г. банкомъ были выданы ссуды по 1,057 сдѣлкамъ. Покупщиками явилось 25,187 домохозяевъ, которыми приобрѣтено 190,463 десятины. Спрашивается, какую роль играли въ этомъ приобрѣтеніи наши знаменитые „устопы“? „Изъ всего количества приобрѣтенной при содѣйствіи банка земли наибольшая часть, около 100,000 дес. или болѣе 52 проц. приобрѣтено товариществами крестьянъ, 87 т. дес. или 46 проц. — селскими обществами и около 3 т. дес. или 2 проц. — отдѣльными крестьянами“. Уже одни эти цифры должны были бы показать народникамъ, что дѣятельность крестьянскаго банка гораздо болѣе способствуетъ разрушенію „устоевъ“, чѣмъ ихъ упроченію. Что такое эти покупающія землю товарищества? Изъ какихъ крестьянъ они состоятъ? Изъ тѣхъ же общинниковъ — но только общинниковъ, отличающихся большей степенью зажиточности, нежелающихъ имѣть дѣло съ сельской бѣднотой и потому составившихъ изъ себя при покупкѣ земель новыя группы. Такимъ образомъ, эти товарищества представляютъ собой продуктъ все того же „слоенія деревни“, раздѣленія ея на пролетаріевъ и богачей, или, по крайней мѣрѣ, „состоятельныхъ домохозяевъ“. Этому послѣднему слою досталось, какъ мы видѣли, больше половины земель, купленныхъ въ 1888 году при содѣйствіи крестьянскаго банка. Этотъ слой и прежде господствовалъ надъ бѣднотой, благодаря своей зажиточности. Крестьянскій банкъ дѣлаетъ его еще болѣе зажиточнымъ, а слѣдовательно даетъ ему новыя средства для поведенія бѣдноты. Такимъ образомъ, процессъ „слоенія деревни“ еще болѣе усиливается. Можно, конечно, утѣшать себя немного тѣмъ соображеніемъ, что, по крайней мѣрѣ, меньшая часть купленныхъ при содѣйствіи банка земель досталась *сельскимъ обществамъ*, а не однимъ только богатымъ домохозяевамъ. Но и это утѣшеніе въ значительной степени отнимается у насъ такого рода

данными: „среднія цифры, характеризующія размѣры содѣйствія банка, распредѣляются по тремъ группамъ покупателей слѣдующимъ образомъ: причитается на душу купленной земли: у сельскихъ обществъ — 1,88 дес., у товариществъ — 2,92 дес, и у отдѣльныхъ крестьянъ — 4.51 дес. Такимъ образомъ, у сельскихъ обществъ, у этой наиболѣе заслуживающей вниманія и поддержки группы покупателей, количество купленной земли значительно менѣе, нежели при покупкахъ товарищескихъ“. Мало того, „средняя цѣна купленной сельскими обществами десятины оказывается много дешевле, чѣмъ у товариществъ; меньше и размѣръ выдаваемыхъ банкомъ ссудъ.“ Въ отчетѣ не сказано, къ сожалѣнію, чѣмъ объясняется это послѣднее обстоятельство. Но оно могло произойти только отъ двухъ причинъ: или сельскимъ обществамъ досталась земля худшаго качества, чѣмъ товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ, или общества эти выступали покупателями преимущественно въ губерніяхъ съ малоцѣнными землями, между тѣмъ какъ въ болѣе населенныхъ губерніяхъ главными приобретателями были только представители зажиточнаго слоя деревни. Вѣроятно же, впрочемъ, что дѣйствовали обѣ эти причины вмѣстѣ: съ одной стороны лучшія земли попали въ руки товариществъ, которымъ, при большей состоятельности ихъ членовъ покупка гораздо сподручнѣе, чѣмъ цѣлымъ обществамъ; а съ другой — сельскія общества должны проявлять больше крѣпости въ губерніяхъ отдаленныхъ отъ центровъ и менѣе населенныхъ, гдѣ процессъ „слоенія деревни“ пока еще гораздо слабѣе. Поэтому сельскія общества и выступали, вѣроятно, главными покупателями земли въ этихъ губерніяхъ.

Не подумайте, что только въ 1888 году товариществамъ зажиточныхъ домохозяевъ удалось оттѣснить на задній планъ сельскія общества. Это явленіе замѣчалось и прежде, хотя несомнѣнно, что прежде оно было нѣсколько слабѣе. „Вообще съ каждымъ дальнѣйшимъ годомъ дѣятельность банка направляется все болѣе и болѣе въ сторону содѣйствія товарищескимъ покупкамъ“ — говорятъ по этому поводу „Русскія Вѣдомости“.

Не подумайте также, что „устои“ окончательно упрочились въ тѣхъ сельскихъ обществахъ, которымъ удалось увеличить душевой надѣлъ своихъ членовъ въ среднемъ на 1,83 десятины. Во-первыхъ, это ничтожное увеличеніе само по себѣ ничего упрочить не можетъ, а во-вторыхъ, есть серьезныя основанія думать, что эти прикупленные земли послужатъ именно новой причиной разложенія общины. На какихъ основаніяхъ совершается распредѣленіе купленной земли между членами сельскихъ обществъ? Объ этомъ ничего не говорятъ наши изслѣдователи. Но не трудно видѣть, что въ огромнѣйшемъ большинствѣ случаевъ оно должно совершаться на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ распредѣляются *выкупленные* надѣльные земли: кто больше внесъ денегъ, тотъ и земли больше получаетъ. Разъ этотъ принципъ установится по отношенію къ купленнымъ змямъ, онъ не только косвенно будетъ способствовать дальнѣйшему „слоенію деревни“, но и прямо подорветъ своимъ вліяніемъ прочность общинныхъ обычаевъ, сложившихся при господствѣ естественнаго,

а не денежнаго хозяйства. Наконецъ, вѣдь не одна только бѣдность и не одно малоземелье ведетъ къ разложенію общины. Гдѣ землею дорожать, а дорожить ея можно только въ томъ случаѣ, если ея достаточно для сколько нибудь сноснаго хозяйства — тамъ у зажиточной части крестьянства является новый соблазнъ къ поѣданію бѣдности, а слѣдовательно и къ разложенію общины. Нѣкоторые наши изслѣдователи прямо говорятъ, что община разлагается всего сильнѣе тамъ, гдѣ владѣніе землею всего выгоднѣе крестьянамъ. Не будутъ-ли нѣкоторые сельскія общества поставлены пменно въ такія выгодныя условія покупками земель съ помощью банка?

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что часто купленная крестьянами земля не удерживается въ ихъ рукахъ уже потому, что они оказываются не въ состояніи правильно расплачиваться съ банкомъ. Известно, что банкъ выдаетъ крестьянамъ только часть, — правда, наибольшую часть — суммы, необходимой для уплаты за покупаемую ими землю; другая же часть доплачивается продавцу ими самими. Вотъ эти-то „доплаты“ и являются часто источникомъ крестьянскаго разоренія. Не желая упустить продаваемый участокъ изъ своихъ рукъ, крестьянинъ входитъ въ долги, или „спускаетъ за безцѣнокъ свой инвентаръ, лишь бы выполнить условія сдѣлки съ продавцомъ. Результатомъ подобныхъ сдѣлокъ сплошь и рядомъ является совершенная невозможность со стороны крестьянъ-собственниковъ обрабатывать свою вновь прибрѣтенную землю, отсюда и недоимка въ погашеніи долга банку (см. корреспонденцію изъ Екатеринослава, перепечатанную въ № 292 Русс. Вѣд. 1887 г. изъ „Одесскаго Вѣстника“). Крестьянскому банку, разумѣется, остается только продавать земли несостоятельныхъ плательщиковъ, что онъ и дѣлаетъ съ энергіей, которой очень и очень могло бы позавидовать правленіе дворянскаго банка.

„При первыхъ случаяхъ продажъ крестьянскимъ банкомъ земли, купленной при его содѣйствіи, — говоритъ „Русская Мысль“ — можно было еще утѣшать себя надеждой, что это будутъ единичные случаи, не имѣющіе значенія въ совокупности всей операціи, подъ которой разумѣлось нѣкоторое частное исправленіе, при помощи банка, крестьянскаго малоземелья. Но теперь, когда число этихъ случаевъ все возрастаетъ и продажи начинаютъ принимать значительныя размѣры, можетъ возникнуть именно общій вопросъ: чѣмъ собственно представляется, въ конечномъ результатѣ, дѣятельность банка и къ какимъ послѣдствіямъ она можетъ повести въ своей совокупности? Повесть-ли дѣятельность банка къ округленію и упроченію крестьянскаго землевладѣнія или къ нѣкоторой его ликвидаціи?“ (Январь, 1890, внутреннее обозрѣніе, стр. 230.).

Заводя крестьянскій земельный банкъ, правительство хотѣло поддержать *крестьянство вообще*. На дѣлѣ же оказалось что оно, своимъ банкомъ, поддерживаетъ только *известную часть крестьянства*, только зажиточный его слой, бѣдность же, благодаря ему, станетъ еще бѣднѣе, и все больше будетъ превращаться въ пролетаріатъ.

Да и что можетъ сдѣлать правительство для обезпеченія б та этой бѣдности? Ея хозяйственнаго положенія не улучшивъ никакими бан-

вами. Чтобы обезпечить его, нужна цѣлая экономическая революція. Читали-ли вы статью г. Никифорова „О причинахъ экономического оскудѣнія крестьянъ Волжско-Камскаго края“ во 2-ой книжкѣ „Сѣвернаго Вѣстника“ за 1888 г.? Статья эта способна привести въ разсудокъ самаго упрямаго оптимиста. Изъ нея онъ узнаетъ много самыхъ поразительныхъ вещей. Узнаетъ, напримѣръ, что на всемъ пространствѣ обширнѣйшаго Волжско-Камскаго края, этой „житницы Россіи“, крестьяне страшно страдаютъ отъ малоземелья, такъ какъ многіе и многіе изъ нихъ имѣютъ *меньше двухъ десятинъ на душу*. Число такихъ крестьянъ простирается въ Оренбургской губ. до 58,9 проц., въ Самарской и Саратовской до 42 проц. въ Казанской и Уфимской до 39 проц., въ Пермской и Симбирской до 32 проц. и т. д. Всѣ такіе крестьяне уже по малоземелью своему являются кандидатами на званіе пролетаріевъ, но государство ускоряетъ раззореніе ихъ хозяйствъ своимъ экономическимъ давленіемъ. По вычисленіямъ г. Никифорова „оказывается, что сумма платежей съ лежащими нынѣ на крестьянахъ долгами, больше чистаго крестьянскаго урожая *) въ губ. рніяхъ: Тверской почти въ десять разъ (больше на 991,6 проц.), въ Вятской — больше въ 3, 5 раза; въ Костромской — въ 1, 5 раза (154 проц.); въ Ярославской платежи превышаютъ стоимость чистаго сбора хлѣбовъ на 121 проц., въ Саратовской — на 93 проц., въ Самарской — на 72 проц., въ Нижегородской на 69 проц., въ Казанской на 54 проц., въ Оренбургской продажа чистаго урожая не только не въ состояніи погасить текущіе платежи, но еще на продовольствіе не хватаетъ хлѣба на 1,380,000 рублей“. Такое положеніе дѣлъ вынуждаетъ крестьянъ бросать свои хозяйства и идти въ отхожіе промыслы, чтобы какъ нибудь свести концы съ концами. Число крестьянъ, уходящихъ въ отхожіе промыслы постоянно возрастаетъ. Во многихъ селеніяхъ лѣтомъ не остается „буквально ни одного мужика рабочаго возраста, при чемъ всѣ надѣльныя земли, покидаемыя крестьянами, сдаются въ большинствѣ случаевъ *за ничтожную цѣну, не составляющую и четверти лежащихъ на нихъ платежей*“ (курсивъ г. Никифорова). А мы-то все радуемъ себя соображеніями о томъ, что нашъ рабочій тотъ же крестьянинъ, что онъ только зпмой работаетъ на фабрикѣ, а лѣтомъ спѣшитъ возвратиться подъ власть земли! Было такъ когда-то, но теперь дѣло уже измѣнилось, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будетъ оно измѣняться, такъ какъ новые порядки быстро распространяются на новыя и новыя мѣстности. Теперь крестьянинъ въ огромномъ числѣ случаевъ уже тяготится своимъ надѣломъ; если онъ, тѣмъ не менѣе, возвращается въ деревню изъ своихъ скитаній на заработкахъ, то очень часто не въ силу „власти земли“, а единственно только въ силу *власти полиціи*. Тяготится онъ, какъ мы уже видѣли п общипой. „Мужикъ-общипникъ превращается городскимъ влияніемъ въ мужика-индивидуалиста и явившись въ деревню насмѣхается надъ мірской властью — печально повѣствуетъ г. Никифоровъ — онъ уже не уживается въ одномъ домѣ съ родителями и старшимъ бра-

*) „Т. е. урожая за вычетомъ посѣва и минимальнаго количества хлѣба, необходимаго по казенной порціи на продовольствіе“.

томъ, власть которыхъ ему, индивидуализировавшемуся (батюшки, какое ужасное слово!) бродягѣ уже не снести. Наступаютъ усиленные семейные раздѣлы... За усиленными семейными раздѣлами послѣдовали и передѣлы общинной земли на подворные участки. Община разлагалась (у г. Нпкифорова очевидно не поднялась рука написать: община *разлагается*, поэтому онъ предпочелъ прошедшее время). Въ мѣстностяхъ съ наименьшимъ земельнымъ обеспеченіемъ процессъ разложенія общины принялъ поражающе острый характеръ. Такъ въ Ярославской губерніи, по словамъ губернаторскаго отчета, передѣляли землю на подворные участки въ 1880 г. — 13 сельскихъ обществъ, въ 1881 г. — 49, въ 1882 г. — 77, и въ 1885 г. число обществъ, перешедшихъ съ общиннаго владѣнія на подворное достигло уже 100 ...Когда дробилась семья и разрушалась община — одновременно совершалось и *слоеніе* деревни, неизвѣстное дотолѣ крестьянству. Быстро формировался, съ одной стороны, сельскій пролетаріатъ, а съ другой выросталъ кулакъ, еще туже затягивавшій петлю надъ деревней. Народилась кабала, ставшая самостоятельнымъ факторомъ въ процессъ разложенія общины“.

Общины не спасли бы теперь никакіе реакціонные помпадуры и никакіе народники, даже въ томъ случаѣ, если бы мѣры, принимаемая для ея спасенія и не обращались логикой вещей въ новыя причины ея гибели. Община погибнетъ, потому что существованіе ея не имѣетъ теперь никакого экономическаго смысла. Она является теперь, въ рукахъ кулаковъ и въ рукахъ государства, лишь орудіемъ эксплуатаціи народа. Но и въ этомъ качествѣ она оказывается очень устарѣлой, поэтому за нее не будутъ крѣпко держаться ни кулаки, ни государство.

Пусть справедливость нашихъ словъ подтвердитъ уже цитированный нами, убѣжденный, горячій народникъ. „Мы можемъ указать въ особенности на большія села, которыя представляютъ характерные примѣры особаго рода землевладѣнія, именно „общинъ землевладѣльцевъ“, а не „общинъ земледѣльцевъ“, — свидѣтельствуетъ Златовратскій. Въ этихъ селахъ фактически владѣютъ землей изъ 700 душъ всего 40 хозяевъ, которые берутъ на себя обработку всей земли, нанимая на время лѣтнихъ работъ цѣлыя арміи батраковъ. Настоящій же „правовой“ хозяинъ земли ходитъ въ заработкахъ или просто по міру... Вы совершенно поражаетесь, когда видите, что въ селахъ съ 500—700 душъ весь сельскій сходъ состоитъ только изъ 40 человекъ, да изъ нихъ *только* половина работаетъ сама, а прочіе — лавочники, кабатчики, кулаки, „хозяева“, собственно же рабочая масса, — женщины, батраки и владѣльцы надѣловъ, ушедшіе въ заработки, — не принимаютъ тутъ никакого участія и на сходъ не ходятъ. Вслѣдствіе всего этого весь хозяйственный инвентарь все больше сосредоточивается въ рукахъ незначительнаго меньшинства; большинство теперь почти совсѣмъ перестаетъ его заводить и начинаетъ *жить на хлѣбахъ*“. — Скажите, читатель, кому польза отъ существованія этихъ „общинъ землевладѣльцевъ“? Конечно ужъ не сельской бѣднотѣ, это разумѣется само собою. Кулакамъ? Во первыхъ, намъ до нихъ выгодъ нѣтъ никакого дѣла, а во вторыхъ не трудно было бы показать, что

и имъ, говоря вообще, выгоднѣе поскорѣе размежеваться. Но объ этомъ когда нибудь въ другой разъ.

Въ дѣлѣ охраненія и упроченія устоевъ очень многіе рассчитываютъ у насъ на крестьянскія переселенія. Къ переселеніямъ относились у насъ сочувственно всѣ партіи, кромѣ помѣщичьей, которая всегда боялась, что переселенія уменьшатъ число дешевыхъ рабочихъ рукъ и выгодныхъ сѣмщиковъ земель, принадлежащихъ крупнымъ владѣльцамъ. Подъ вліяніемъ помѣщичьей партіи правительство долго откладывало рѣшеніе этого вопроса, но наконецъ собралось таки съ духомъ и обнародовало въ прошломъ году законъ о переселеніяхъ. Этотъ законъ, такъ называемый законъ 13 Іюля, во всѣхъ своихъ подробностяхъ разобранъ уже въ нашей „легальной“ печати. Такимъ образомъ читателямъ навѣрное уже хорошо извѣстно, что онъ страдаетъ многими недостатками. Новый законъ не обѣщаетъ переселенцамъ никакихъ пособій, поэтому переселяться будетъ по прежнему лишь болѣе состоятельная часть крестьянства. Каждое отдѣльное переселеніе связано съ длиннѣйшимъ рядомъ формальностей, съ истинно „пестерпимой“ административной „волокитой“. По шестой статьѣ закона 13-го Іюля образованіе переселенческихъ участковъ допускается лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это не принесетъ „щербъ выгодамъ казны“, т. е. иначе сказать, переселенцамъ не будутъ предоставляться тѣ (конечно лучшія земли), которыя казна можетъ сдавать въ аренду на выгодныхъ условіяхъ. Наконецъ, новый законъ воспрещаетъ самовольныя переселенія крестьянъ подъ страхомъ административнаго возвращенія ихъ на родину. Въ виду всего этого трудно даже и рѣшить теперь, увеличитъ или уменьшитъ новый законъ число крестьянскихъ переселеній. Но допустимъ, что онъ увеличитъ ихъ, допустимъ также, что современемъ онъ будетъ доведенъ до всевозможнаго совершенства. Въ какомъ смыслѣ можетъ повліять онъ на экономическій строй крестьянской жизни?

При обсужденіи этого вопроса, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, необходимо прежде всего помнить дѣйствительное положеніе *современной* Россіи. Было время, когда переселенія, происходившія главнымъ образомъ по народному почину и очень часто даже вопреки явно выраженной волѣ правительства, дѣйствительно содѣйствовали у насъ упроченію старыхъ порядковъ крестьянской жизни. Если Сибирь, За-волжскій край, Новороссія и Прикавказье вовсе не стояли въ такихъ отношеніяхъ къ центральной Россіи, въ какихъ стоятъ европейскія колоніи къ своимъ метрополіямъ, то это происходило потому, что и въ центральной Россіи и во всѣхъ заселенныхъ русскими выходцами мѣстностяхъ тонъ экономической жизни задавался крестьянствомъ, жившимъ при условіяхъ естественнаго хозяйства. Современное отношеніе колоній къ метрополіямъ предполагаетъ товарное производство и широкое раздѣленіе труда, котораго не знала крестьянская Россія. Такъ было прежде. Но развитіе русскаго капитализма придало современнымъ русскимъ переселеніямъ совершенно новый смыслъ. Въ этомъ убѣдятъ читателя „Статистическія свѣдѣнія о современномъ состояніи Сибири“, приложенныя къ книгѣ г. Ядринцева: „Сибирь какъ колонія“. Свѣдѣнія эти показываютъ, что притокъ переселен-

цевъ въ Сибирь изъ центральныхъ, *промышленныхъ* губерній Россіи совершенно ничтоженъ. Такъ, въ періодъ времени отъ 1846 по 1878 годъ въ Тобольскую губернію выселилось : изъ Владимірской губ. 91 чел., изъ Московской 22, изъ Тульской 429, изъ Ярославской ни одного. Между тѣмъ изъ *земледѣльческихъ* губерній въ то же время выселилось : изъ Горонезской 5427 человекъ, изъ Пензенской 2312, изъ Витебской 2.343, изъ Курской — 5.337, изъ Псковской 7,031. Вѣдомость о переселеніи крестьянъ въ Томскую губернію охватываетъ лишь 1870 - 1879 гг. По свѣдѣніямъ томской казенной палаты оказывается, что между тѣмъ какъ изъ Тамбовской губ. переселилось за это время 2,177 человекъ, изъ Воронежской 1,855, изъ Самарской 1,054, — изъ Владимірской губ. выселилось только 383 человекъ, изъ Московской же и Ярославской губ., повидимому, не переселилось ни одного. Вѣдомость о переселеніи крестьянъ изъ внутреннихъ губ. Россіи въ Алтайскій горный округъ даетъ слѣдующія цифры за 1866 - 77 гг. : изъ Пермской 1.131, изъ Самарской — 906, изъ Воронежской — 1,217, изъ Тамбовской — 1,376, изъ Владимірской — 43, изъ Московской — 4, изъ Тверской — 9, изъ Ярославской ни одного. До 1863 г. а наибольшее число переселенцевъ давали главнымъ образомъ земледѣльческія губ., какъ Тамбовскія; Воронежская, Пензенская, Калужская, Орловская и Курская. Положимъ, что это отчасти объясняется преобладаніемъ въ этихъ губерніяхъ государственныхъ крестьянъ, переселеніе которыхъ не могли закрѣпощать помѣщики, но и послѣ 19-го Февраля, когда къ переселенцамъ изъ перечисленныхъ губерній присоединилось множество выходцевъ изъ губерній заводскихъ, центральная, промышленная полоса Россіи продолжаетъ, какъ мы видѣли, принимать въ переселеніяхъ лишь самое ничтожное участіе. Дайте себѣ трудъ слѣдить въ теченіе нѣкотораго времени за свѣдѣніями о переселеніяхъ, часто сообщаемыми въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ ; вы увидите, во-первыхъ, что переселенцы продолжаютъ направляться на окраины исключительно изъ земледѣльческихъ губ. *); вы увидите также, что изъ этихъ губерній переселяется не столько бѣднота, сколько средній деревенскій слой, дорожащій землею, но не имѣющій достаточныхъ надѣловъ. Сельская бѣднота и въ этихъ губерніяхъ уже не думаетъ о переселеніяхъ, а идетъ въ отхожіе промыслы, ищетъ заработка въ батракахъ. Въ центральныхъ же, промышленныхъ губерніяхъ о переселеніяхъ не думаетъ, какъ мы видѣли, почти никто, потому что тамъ преобладаютъ уже не земледѣльческіе, а промышленные интересы. Вслѣдствіе этого, даже самая широкая организація крестьянскихъ переселеній не могла бы отразиться непосредственно на экономическихъ отношеніяхъ центральной, промышленной Россіи. Правда, ея посредственное вліяніе было бы очень велико : она пове-

*) Русское правительство знаетъ это очень хорошо. Министерство внутреннихъ дѣлъ, собиравшее въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ свѣдѣнія о переселеніяхъ, пришло къ тому выводу, что въ нихъ нуждаются лишь слѣдующія губ. : Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Орловская, Курская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Симбирская и Казанская. Какія это губерніи ? Земледѣльческія, или промышленныя ?

да бы, во-первыхъ, къ созданію новыхъ рынковъ на окраинахъ, а во вторыхъ, къ увеличенію покупательной силы населенія земледѣльческихъ губерній, избавленныхъ отъ нынѣшняго малоземелья. Увеличеніе спроса на произведенія промышленныхъ мѣстностей Россіи повело бы частью къ увеличенію спроса на рабочія руки, а слѣдовательно къ нѣкоторому улучшенію участи сельской бѣдности, стремящейся на заработки, частью же оно повело бы за собою усовершенствованіе способовъ фабричнаго производства. Все это, разумѣется, было бы очень хорошо. Но могло-ли бы это помѣшать развитію капитализма? Напротивъ, все это усилило бы его развитіе, а слѣдовательно и разложеніе старыхъ устоевъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что по какой-то странной игрѣ экономическихъ силъ всѣ проэскты, придуманные нашими народниками для борьбы съ капитализмомъ, пошли бы и отчасти уже идутъ при своемъ осуществленіи ему на пользу. А можетъ быть въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго? Можетъ быть много и ожидать нельзя въ тѣхъ странахъ, которыя уже попали на слѣдъ естественнаго закона капиталистическаго развитія? Мы не станемъ спорить съ читателемъ, если онъ вздумаетъ настаивать на такомъ объясненіи.

Не менѣе чѣмъ о крестьянскомъ банкѣ и о переселеніяхъ, наша печать толкуетъ теперь о кустарной промышленности. Положеніе русскихъ кустарей съ каждымъ годомъ дѣлается все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Борьба со скупщиками и фабрикантами все болѣе становится для нихъ непосильною. Объ этомъ печатается теперь много извѣстій, мы приведемъ только одно. Недавно г. Штанге, въ своемъ докладѣ кустарному отдѣленію общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, такъ характеризовалъ положеніе кустарей знаменитаго села Павлова: „Въ Павловѣ населеніе развито, съ большимъ чувствомъ человѣческаго достоинства; нищенства нѣтъ, а, напротивъ, внѣшній видъ села богатъ... шелковую шубку можно встрѣтить изрѣдка и на женѣ кустаря, въ домахъ кустарей чистота, на окнахъ цвѣты, стѣны оклеены хорошими обоями. Но все это остатки прежняго благополучія; теперь уже не сошьешь шубки и не поправишь избы; многія семьи питаются мѣсяцами однимъ хлѣбомъ, да и того не досыта, а между тѣмъ вся семья — жена, мать, дѣти, сидятъ за работою съ 1 часу ночи и до поздняго вечера; въ избѣ не топлено, освѣщеніе — лучина, работники почти голые.“ Источникъ такого печальнаго положенія докладчикъ видитъ во вредномъ вліяніи скупщиковъ, которые берутъ издѣлія кустарей за безцѣнокъ, и тѣмъ понижаютъ ихъ доходъ до ничтожнаго уровня. „Лѣтъ семь тому назадъ давняя ихъ борьба противъ кустарей увѣнчалась успѣхомъ, и всѣ дѣла общества села Павлова перешли въ ихъ руки... Эти господа сумѣли обойти земство, власти, захватить всякую помощь, адресуемую извнѣ кустарямъ, а послѣднихъ чуть-ли не довести до голодной смерти“ („День“, № 570, 11 января 1890 г.). Бѣдные кустари обратились къ „высшему правительству“ съ прошеніемъ, которое подписано 500 съ лишнимъ отцовъ семействъ и въ которомъ они молятъ о скорой помощи. Говорятъ, что къ этому прошенію сочувственно отнеслись министерства финансовъ и государственныхъ иму-

щество, а земство съ своей стороны посиѣшило, какъ говорится у насъ, придти къ нимъ на помощь. Кустарямъ наобѣщали множество самыхъ пріятныхъ и полезныхъ вещей: открытіе въ Павловѣ ломбарда съ выдачею ссудъ подѣ издѣлія, учрежденіе конторы для правильного непосредственнаго сбыта товаровъ; расширение существующаго музея для поднятія техники производства и проч. Теперь кустари должны быть очень довольны тѣмъ, что имъ пришло въ голову обратиться къ „высшему правительству“. Неизвѣстно только, въ какой мѣрѣ будутъ сдержаны данныя имъ обѣщанія, и не сдумаютъ-ли какъ нибудь на новый манеръ извернуться скупщики и фабриканты, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были воротилами даже въ пресловутомъ „всесловномъ“ земствѣ. Газета „Депъ“ смотритъ на этотъ вопросъ очень оптимистически, она говоритъ, что теперь „видимо владычеству кулаковъ наступаетъ конецъ.“ Мы, по свойственному намъ пессимизму, не раздѣляемъ этой пріятной увѣренности. Кустарямъ давно уже обѣщаютъ „придти къ нимъ на помощь“, они терпѣливо ждутъ помощи, а она или не приходитъ совсѣмъ, или даже попадаетъ иногда, какъ увѣряетъ г. Штанге, въ руки все тѣхъ же скупщиковъ и фабрикантовъ; такимъ образомъ, „барина все нѣту, баринъ все не ѣдетъ“...

Ну, а что, если онъ, наконецъ, пріѣдетъ? Мы лично думаемъ что онъ никогда не сдѣлаетъ этого, но, по принятому нами обыкновению, мы не навязываемъ своего мнѣнія читателю, а хотимъ, напротивъ, внимательно вдуматься въ вѣроятныя и возможныя послѣдствія предполагаемаго пріѣзда „барина“. Итакъ, вообразимъ, что онъ пріѣхалъ, и притомъ пріѣхалъ къ кустарю вообще, а не къ одному павловцу, т. е. что помощь кустарямъ не ограничилась предѣлами нѣсколькихъ селеній. Кустарей у насъ считается около семи милліоновъ; но допустимъ, что ихъ только три милліона. Сколько милліоновъ рублей нужно для того, чтобы оказать имъ серьезную матеріальную помощь? Мы отъ себя ничего не подсказываемъ читателю, пусть онъ дѣлаетъ какую ему угодно смѣту, пусть онъ доводитъ въ своихъ расчетахъ искомую цифру до минимума. Онъ во всякомъ случаѣ согласится что денегъ для помощи кустарямъ нужно много, очень много. Допустимъ теперь, хотя и не имѣемъ для этого достаточнаго основанія, что деньги кустарямъ даны. Что сдѣлаютъ они съ этими деньгами? Сдѣлаютъ то, что подсказываетъ имъ ихъ экономическое положеніе: это ясно. Но что же именно можетъ подсказать оно имъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно выяснитъ себѣ, что такое кустарь, какъ производитель. Въ этомъ отношеніи кустарь характеризуется тремя признаками: 1) въ своей мастерской онъ болѣе или менѣе самостоятеленъ; 2) онъ работает не по заказу, какъ ремесленникъ, а для сбыта на большомъ внутреннемъ, а отчасти даже и заграничномъ, рынкѣ, требованія котораго ему не могутъ быть извѣстны, и 3) въ своихъ способахъ производства онъ является очень и очень отсталымъ. Мы говоримъ, что даже въ своей мастерской кустарь является лишь болѣе или менѣе самостоятельнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, кустарь нерѣдко имѣетъ нѣсколькихъ „работничковъ“, которые въ скоромъ времени рассчиты-

вають стать самостійними виробителями. Через положеніє „рабочника“ случается проходить многимъ кустарямъ, а потому самостоятельность ихъ и является лишь относительною. Другіе изъ указанныхъ нами признаковъ не нуждаются ни въ поясненіяхъ, ни въ доказательствахъ. Посмотримъ же теперь, какъ отразилось бы на положеніи кустарей устройство, положимъ, хотъ банка (для содѣйствія кустарной промышленности). Чтобы усильно бороться съ крупными производителями, кустарямъ нужно прежде всего усвоить новѣйшіе способы производства. Въ значительномъ числѣ случаевъ это окажется невозможнымъ для нихъ потому, что новѣйшіе способы производства требуютъ для своего примѣненія обширныхъ мастерскихъ; въ маленькой же мастерской кустаря они непримѣнимы. Положимъ, что нѣкоторые кустари заведутъ артели. Но вѣдь не всѣ заведутъ ихъ; какъ же устроить свои дѣла кустари, не вошедшіе въ артели? У однихъ способы производства окажутся лучше, у другихъ хуже, одни стануть работать съ помощью болѣе или менѣе усовершенствованныхъ приемовъ, другіе вынуждены будутъ придерживаться старины. Вотъ уже вамъ первая причина возростанія неравенства между кустарями: тѣ, которые окажутся въ состояніи завести болѣе совершенные способы производства, явятся опасными конкуррентами остальныхъ производителей. Пойдемъ далѣе. Выдавая ссуды покупателямъ земли, крестьянскій банкъ не лишаетъ ихъ права обрабатывать купленные участки съ помощью батраковъ. Если бы даже законодатель и захотѣлъ запретить имъ это, то онъ не имѣлъ бы никакой возможности слѣдить за исполненіемъ закона. То же было бы и съ воображаемымъ „кустарнымъ“ банкомъ. Поэтому получаемыя изъ него ссуды нерѣдко шли бы на наемъ лишнихъ „рабочниковъ“. Вотъ вамъ другая причина усиленія неравенства между кустарями. Пойдемъ еще далѣе. Кустари работаютъ, сказали мы, не на заказъ, какъ ремесленники, а на обширный, отчасти даже заграничный, рынокъ, требованія котораго имъ никогда не извѣстны въ точности; они работаютъ на обумъ, какъ и крупные предприниматели. Къ чему же ведетъ неизвѣстность требованій рынка и вообще современная анархія въ производствѣ? Она ведетъ къ колебаніямъ цѣнъ и къ кризисамъ. Какъ отражаются кризисы на положеніи отдѣльныхъ предпринимателей? Слабые разоряются, сильные богатѣютъ. Спасеть-ли правительственный кредитъ кустарей отъ такого рода рыночныхъ вліяній? Не только не спасеть, но, напротивъ, обезпечивая за ними болѣе дѣятельную роль на рынкѣ, онъ тѣмъ болѣе усилитъ ихъ зависимость ото всѣхъ его законовъ. Слѣдовательно, вліяніе рынка съ своей стороны будетъ развивать неравенство между кустарями. Можно было бы не безъ пользы обратить вниманіе еще на нѣкоторыя условія, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, до какой степени кредитъ кустарямъ уподобился бы по своимъ послѣдствіямъ кредиту, оказываемому крестьянамъ при покупкѣ земель. И тотъ и другой одинаково могутъ лишь усилить — одинъ „слоеніе“ деревни, другой — *слоеніе массы кустарей*. А это значитъ, что и тотъ и другой, далекие отъ того, чтобы задержать развитіе капитализма, могутъ только ускорить его окончательное торжество.

Однако, не довольно-ли намъ толковать о народѣ и о всякаго рода самостоятельныхъ и несамостоятельныхъ производителяхъ? Неужели нѣтъ болѣе интересной темы? Позволительно-ли забывать о доблестномъ россійскомъ дворянствѣ, которое, по его собственнымъ словамъ, вступаетъ теперь въ новую эру существованія? Дѣйствительно, пора поговорить намъ объ этомъ почтенномъ сословіи.

Оно, безъ шутокъ, вступило теперь въ новую эру существованія. Прежде оно жило трудомъ крѣпостныхъ Ивашекъ и Палашекъ, потомъ, при „царѣ освободителѣ“, дѣятельно проѣдало полученныя всѣми правдами и неправдами выкупныя свидѣтельства, а теперь думаетъ жить на счетъ царскихъ подачекъ. Ссылаясь на заслуги предковъ, и на свою испытанную будто бы вѣрность трону, оно жалобно указываетъ на свое обнищаніе и назойливо проситъ государственной помощи:

Подайте мальчику на хлѣбъ...

И правительство щедро подаетъ „на хлѣбъ“ балованному „мальчику“. Едва-ли въ исторіи кредитныхъ учрежденій какой бы то ни было страны можно найти что нибудь подобное русскому дворянскому банку. Это по истинѣ нѣчто неслыханное и небывалое. Вамъ, дворянину тмутараканскаго уѣзда, нужны деньги? Идите въ дворянскій банкъ, вы получите ихъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Вы получили деньги и, *сomme de raison*, спустили ихъ на парижской выставкѣ, ослѣпивъ своей „боярской“ щедростью современныхъ французскихъ Аспазій? Бѣда не велика, „рука дающая“, повидимому долго еще не изсякнетъ, и при томъ же вы можете совсѣмъ не беспокоиться на счетъ расплаты съ банкомъ. Ваши недоимки припишутся къ вашему долгу, и вы заплатите его (если заплатите), безо всякихъ процентовъ, черезъ 30, 40, 50 лѣтъ. Понимаете-ли что это значитъ? Мало-ли что будетъ черезъ 30, 40, 50 лѣтъ! Тогда можетъ быть не останется и слѣда отъ дворянскихъ помѣстій. Значитъ недоимка просто дарится вамъ, во вниманіе къ тому, что вы — русскій дворянинъ, предокъ котораго, выйдя изъ Золотой Орды, позналъ, по приказанію начальства, истиннаго бога, за что и былъ пожалованъ селами и деревнями. Нехорошо было бы забывать подобныя историческія заслуги. Итакъ, кутите съ миромъ, судьба вашихъ родовыхъ владѣній обезпечена.

Чѣмъ же платить царю дворянство за эти щедрія подачки? Оно платитъ „вѣрностью трону“, т. е. отреченіемъ отъ всякаго политическаго смысла. По случаю преобразованія крестьянскихъ и мировыхъ учреждений полтавское дворянство обратилось къ царю съ слѣдующимъ, совершенно непостижимымъ адресомъ:

„Всемилоствѣйшій Государь!

Цѣлый рядъ преобразованій незабвеннаго Родителя Вашего, продолжаемыхъ и Вами, Государь, служитъ очевиднымъ доказательствомъ постояннаго довѣрія Монарха къ дворянству.

Привыкнувъ пзъ поколѣнія въ поколѣніе быть вѣрными слугами своихъ Государей, дворяне и нынѣ, какъ всегда, считаютъ для себя священнѣйшимъ долгомъ быть проводниками предначертаній Монарха.

Всеподаннѣйше просимъ Ваше Императорское Величество принять увѣреніе полтавскаго дворянства, что оно останется вѣрно своимъ преданіямъ и готово дать свои лучшія силы на службу Престолу п Отечеству.

Подлинный подписали: гг. губернский и уѣздные предводители дворянства и всѣ присутствовавшіе дворяне.“

(Правительственный Вѣстникъ, 1889 г. № 255).

„Преобразованія“, предпріятыя Александромъ III сводятся къ полнѣйшей отмѣнѣ преобразованій прошлаго царствованія. Если преобразованія прошлаго царствованія были полезны, то нельзя благодарить отмѣняющаго ихъ Александра III. Если они были вредны, то почему же вспоминается съ благодарностью виновникъ ихъ, Александръ II? Но полтавскіе дворяне не смущаются подобными соображеніями, они благодарятъ обоимъ преобразователямъ, за что и получаютъ, въ свою очередь, „Высочайшую“ благодарность. „О Россѣ, о родѣ непобѣдимый!“ Извольте послѣ этого разсчитывать на политическій смыслъ „общества“, въ которомъ главную роль до сихъ поръ играетъ дворянство.

А впрочемъ, точно-ли оно играетъ до сихъ поръ главную роль? Если судить по образу жизни и по дипломамъ, то дворянство дѣйствительно является у насъ самымъ „культурнымъ“ сословіемъ. Но намъ право кажется, что въ своихъ отношеніяхъ къ правительству торгово-промышленный классъ проявляетъ гораздо больше зрѣлости. Поклянитъ на счетъ субсидій и всякаго рода „покровительства“ очень не прочь, какъ всѣмъ извѣстно, и наше „поштенное“ купечество. Но въ тонѣ тѣхъ прошеній, съ которыми обращается оно къ правительству (разумеется, мы говоримъ лишь о попадающихъ въ печать) слышится больше... не скажемъ чувства собственнаго достоинства, а какой то самоувѣренности. Купечество говоритъ въ прошеніяхъ тономъ человѣка, состоящаго „при своемъ капиталѣ“, знающаго, что имъ „за все заплочено“, и потому увѣреннаго, что безъ него дѣло не обойдется. Въ дворянскихъ же адресахъ и ходатайствахъ слышится тонъ человѣка, который „нѣсколько поиздержался“ и которому во что бы то ни стало нужно поскорѣе занять денегъ. И дворянству и купечеству способъ выраженій подсказывается, разумѣется, не сердцемъ, а кошелькомъ. Но такъ какъ купеческая „мошна“ постоянно увеличивается въ объемѣ, между тѣмъ какъ „портъ-монэ“ дворянина все болче и болѣе тощаетъ, то гг. предприниматели „ходатайствуютъ“ спокойнымъ и отчасти даже повелительнымъ басомъ, дворянство же „взываетъ“ просительнымъ, робкимъ и сиплымъ теноркомъ. „Кто устоитъ въ неравномъ спорѣ?“ Кто получитъ больше, дворянство или купечество?

Мы думаемъ, что дѣла купечества обстоятъ „много превосходнѣй“. Во первыхъ, подачки, получаемыя дворянствомъ являются ничтожной крохой въ сравненіи съ тѣмъ, что было сдѣлано, дѣлается и будетъ сдѣлано для буржуазіи, а во вторыхъ, и самый кредитъ, открытый правительствомъ „благородному сословію“, явится для нашей буржуазіи новымъ источникомъ дохода. Большая часть полученныхъ изъ дворянскаго банка денегъ пойдетъ, конечно, не на улучшеніе по-

мѣщичьихъ хозяйствъ, а на всякаго рода „культурныхъ“ развлеченія и наслажденія, поглотившая уже не мало дворянскихъ имуществъ. Известно, что спускаемая дворянствомъ деньги всегда находятъ вѣрную дорогу въ карманъ буржуазіи. А если бы и случилось такое чудо, что дворяне на занятія деньги стали бы улучшать свои хозяйства, то это повело бы только къ развитію капиталистическаго земледѣлія и къ окончательному превращенію помѣщиковъ въ сельскую буржуазію. Какъ видите, куда ни вѣнь, — все клинь: на пользу буржуазіи обращается у насъ рѣшительно все, что ни дѣлается для другихъ сословій. Русскій капитализмъ неотвязчивъ теперь какъ природа: гони его въ дверь, онъ влетитъ въ окно.

Сознаніе неотвратимаго и полнаго торжества капитализма начинаетъ проникать теперь и въ русскую „легальную“ литературу, известная часть которой такъ долго и упорно закрывала глаза на неприятную для нея дѣйствительность. „Ветхія рамки патріархальнаго экономическаго быта не выдержали подъ напоромъ болѣе сильныхъ экономическихъ теченій — пишетъ г. Ф. Андреевъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ (Январь 1890 г., областной отдѣлъ, стр. 56). Хорошо-ли это или дурно, но только движеніе совершается этимъ новымъ путемъ... Будемъ ли мы сожалѣть или печаловаться о прошломъ, но изъ жизни уже невозможно устранить такія явленія, какъ желѣзныя дороги, пароходство, ростъ городовъ, осложненіе денежныхъ процессовъ, развитіе личныхъ потребностей и пр. и пр. Могло-ли этого не быть? Ни въ какомъ случаѣ, разумѣется. Если бы мы не желали этихъ измѣненій, если бы мы всячески противились имъ, то насъ поволокъ бы за собою западъ, насъ захватилъ въ свои могучія объятія международный рынокъ и культура сосѣднихъ народностей. Такъ оно въ дѣйствительности и было во всемъ, что касалось нашего экономическаго быта и производительности“. Развивая дальше эту совершенно вѣрную мысль, г. Ф. Андреевъ неожиданно заговариваетъ о необходимости приспособленія „исконныхъ формъ жизни“ народа къ *новымъ требованіямъ экономіи*. Въ этомъ случаѣ онъ не проявляетъ, конечно, большой логичности, такъ такъ, по его же собственнымъ словамъ, „ветхія рамки патріархальнаго экономическаго быта (а слѣдовательно и „исконныя формы жизни“) *не выдержали* напора болѣе сильныхъ экономическихъ теченій“. Не выдержали — значитъ не могли „приспособиться“, а не могли приспособиться, значитъ печого и толковать о приспособленіи. Но логичность г. Андреева насъ мало интересуется. Для насъ любопытно лишь признаніе имъ факта торжества новыхъ формъ экономическаго быта надъ старыми, что же касается до выводовъ изъ этого факта, то мы съумѣемъ сдѣлать ихъ и сами.

Давно уже было сказано, что политическая конституція всякой данной страны естественно вырастаетъ изъ социальныхъ условій ея быта. Съ измѣненіемъ этихъ условій измѣняются и политическія формы. Соответствіе между политическими формами и социальными условіями быта устанавливается не сразу, такъ какъ и условія эти не сразу же принимаютъ совершенно новый видъ. Въ теченіе нѣкотораго времени можетъ существовать очень сильное противорѣчіе между консти-

туціей страны и ея соціальнымъ бытомъ. Такимъ противорѣчіемъ и вызываются обыкновенно проявленія общественнаго недовольства, оппозиціонныя и революціонныя теченія. Борьба между отживающимъ порядкомъ и новыми требованіями жизни ведется съ переменнымъ счастьемъ, пока новыя требованія не пріобрѣтаютъ, наконецъ, силы, необходимой для прорванія старыхъ политическихъ плотинъ. Въ такихъ случаяхъ никогда невозможно опредѣлить съ точностью время предстоящаго взрыва, но внимательный наблюдатель можетъ довольно точно отмѣчать ростъ новыхъ условій общественной жизни и, основываясь на этомъ, опредѣлять ближайшія задачи своей политической дѣятельности.

Наша русская конституція сводится къ тѣмъ статьямъ Свода Законовъ, которыя гласятъ, что царь есть единственный распорядитель всѣхъ внутреннихъ и внешнихъ судебъ Россіи. Такая конституція не оставляетъ мѣста для политической самостоятельности гражданъ, и потому противники ея говорятъ обыкновенно, что у насъ вовсе нѣтъ конституціи. Но это не точно. Конституція есть у насъ, какъ и вездѣ, — и даже, повторяемъ, писанная конституція, занесенная въ Сводъ Законовъ, — да только она не похожа на современныя конституціи Запада. Откуда произошло это различіе? Если политическая конституція всякой данной страны коренится въ условіяхъ ея соціальнаго быта, то отличительныя свойства нашей русской конституціи должны объясняться особенностями соціальнаго быта Россіи. Похожъ-ли онъ на соціальный бытъ современной западной Европы? Прежде былъ очень не похожъ: западная Европа характеризуется господствомъ капитализма, Россія характеризовалась прежде господствомъ патріархальнаго крестьянскаго хозяйства. Въ соціальномъ отношеніи Россія была совершенно „самобытной“ страной, какъ и то Китаемъ въ Европѣ. Неудивительно, что и политическій ея строй отличался большою „самобытностью“. А теперь мы видимъ, что и въ Россіи все болѣе и болѣе развивается капитализмъ, т. е. возникаютъ такія формы соціальнаго быта, которыми характеризуется западная Европа. Въ соціальномъ бытѣ Россіи совершается теперь глубокій процессъ *европеизаціи*. Этотъ процессъ необходимо поведетъ за собою и *политическую европеизацію Россіи*, т. е. измѣненіе ея конституціи въ духъ новѣйшихъ европейскихъ конституцій. За измѣненіемъ экономической основы нашего общественнаго зданія естественно должна послѣдовать передѣлка его политической крыши. Въ настоящее время между новыми условіями нашей соціальной жизни и нашей конституціей существуетъ противорѣчіе; правительство старается удержать всѣ „права и преимущества“ самодержавной монархіи, вернуть ей прежнюю силу и крѣпость, довольно таки сильно распатанную въ царствованіе Александра II. Но это также невозможно для нашей самодержавной монархіи, какъ невозможно старику превратиться въ юношу. Теперь реакція у насъ, повидимому, всецѣльна. Но можетъ-ли правительство устранить указанное противорѣчіе между старымъ политическимъ строемъ Россіи и ея новыми экономическими отношеніями? Не только не можетъ, но оно невольно усиливаетъ его, содѣйствуя росту новыхъ экономическихъ отношеній. Иначе оно и не можетъ поступать,

потому что новыя условія соціального быта уже достаточно сильны теперь, чтобы заставлятъ его держаться необходимой для ихъ дальнѣйшаго развитія экономической политики. При такомъ положеніи дѣль судьба самодержавной монархіи можетъ считаться уже рѣшеною. Когда именно падетъ она — этого предсказать нельзя, какъ нельзя предсказать дня и часа смерти человѣка, поражаемаго смертельнымъ недугомъ; но что она падетъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Ея паденіе готовятъ не одни только революціонеры. Сами по себѣ революціонеры были бы не страшны для правительства. Непоправимая бѣда монархіи заключается въ томъ, что даже ея самыя вѣрныя подданные своей экономической дѣятельностью непрерывно и неустанно приближаютъ ея гибель. А въ виду этого и революціонеры могутъ стать грозной общественной силой. Успѣхъ ихъ дѣла обезпечивается всѣмъ складомъ и всѣмъ ходомъ нашей современной общественной жизни.

Вопросъ лишь въ томъ, сдѣлаютъ-ли революціонеры согласовать свои усилія съ направлениемъ общественнаго развитія. Говоря вообще, всякій протестъ противъ самодержавія согласуется съ этимъ направлениемъ. Но не всякій въ одинаковой степени подрываетъ современный политическій порядокъ. Производительный и полезный трудъ можетъ быть болѣе или менѣе производителенъ, болѣе или менѣе полезенъ, смотря по приемамъ и орудіямъ трудящагося. Между русскими революціонерами теперь единства меньше, чѣмъ когда бы то ни было: одни предпочитаютъ одинъ способъ борьбы, другіе — другой, третьи — третій, и такъ далѣе, до безконечности сказали бы мы, если бы число русскихъ революціонеровъ не было пока еще очень ограничено. Такое раздѣленіе очень печально, такъ какъ оно ослабляетъ силы революціонеровъ. Но оно въ то же время и неизбежно. Прежде въ основаніи нашихъ революціонныхъ программъ лежала непоколебимая увѣренность въ экономической самобытности Россіи. Эта точка отправленія была у всѣхъ одна, поэтому теоретическія разногласія между революціонерами по существу дѣла оказывались незначительными. Но вотъ пришло такое время, когда всѣ увидѣли, что экономическая самобытность Россіи быстро отходитъ въ область патристическихъ преданій. Явилась настоятельная потребность кореннымъ образомъ передѣлать всѣ революціонныя программы, привести ихъ въ соотвѣтствіе съ новыми условіями общественной жизни, существованія и силы которыхъ не могли отрицать даже самыя рьяныя самобытники. Извѣстно, что всѣ такого рода пересмотры всегда вызываютъ множество споровъ и разногласій. Этимъ то и объясняется современное отсутствіе единства между русскими революціонерами. Но у людей, желающихъ что нибудь дѣлать, не могутъ же вѣчно продолжаться програмные споры. Мало по малу снова сгруппируются разрозненные теперь силы русскихъ революціонеровъ. Уже теперь, при всемъ разнообразіи революціонныхъ взглядовъ, ясно, что только два направленія могутъ у насъ рассчитывать на будущее: либеральное и соціаль-демократическое. Всѣ остальныя „программы“ представляютъ собою лишь эклектическую смѣсь этихъ двухъ направленій и потому осуждены на исчезновеніе. Постепенно взгляды нашихъ

революціонеровъ настолько выяснятся, что ихъ перестанутъ удовлетворять программы-ублюдки, и тогда одни изъ нихъ *совершенно махнутъ рукой на социализмъ* и впрягутся въ либеральную колесницу, другіе же *совершенно усвоятъ себѣ социалистическіе взгляды*, т. е. сдѣлаются *соціаль-демократами*. Каковы шансы этихъ двухъ партій?

Революціонеры, склонные къ либерализму, возлагаютъ свои надежды на „общество“; соціаль-демократы на рабочій классъ. Чьи расчеты вѣрнѣе, основательнѣе?

Изъ какихъ элементовъ состоитъ наше „общество“? Частью изъ чиновничества, частью изъ дворянства, частью изъ буржуазіи. Чего можно ожидать отъ каждаго изъ этихъ слоевъ? Отъ чиновниковъ въ лучшемъ случаѣ лишь „попустительства“, отъ буржуазіи „легальной“ оппозиціи противъ полицейскаго и бюрократическаго произвола, отъ дворянства... но читатель и самъ знаетъ, что отъ дворянства можно ожидать теперь, главнымъ образомъ, лишь выпрашиванія денежныхъ подачекъ у правительства. На такой тройкѣ далеко не уѣдешь. Правда, въ трехъ перечисленныхъ и сильно перемѣшанныхъ между собою слоямъ нужно прибавить еще слой идеологовъ-разночинцевъ, людей „либеральныхъ профессій“, по самымъ условіямъ своей жпзни враждебныхъ самодержавію. Слой этотъ очень не великъ, но на Западѣ онъ сыгралъ важную историческую роль, увлекая за собою народъ въ борьбу за политическую свободу. У насъ ему не суждено сыграть, повидимому, такой роли, потому что онъ не имѣетъ никакого вліянія на народъ. Опираясь на народъ и преимущественно на рабочее населеніе крупныхъ центровъ, либеральные члены общества пріобрѣли бы огромную силу, безъ поддержки же рабочаго населенія они—все равно, что нѣсколько нулей безъ единицы впереди: ничтожество, полнѣйшее ничто. И наши либералы даже и не задумываются о необходимости выйти изъ своего ничтожества, у нихъ нѣтъ даже и помышленія о распространеніи своихъ политическихъ взглядовъ въ народѣ. Можно ли рассчитывать на такихъ людей? Помните, да вѣдь они и сами никогда на себя не рассчитывали!*)

Остается рабочій классъ, на который указываютъ нашимъ революціонерамъ соціаль-демократы. Роль рабочаго класса въ политической исторіи Запада извѣстна всѣмъ и каждому. Одинъ очень неглупый англичанинъ замѣтилъ, что въ политикѣ рабочій классъ—то же, что паръ въ промышленности, т. е. могучая революціонная сила. Но русский человѣкъ, даже хвастаясь своей самобытностью, въ глубинѣ души питаетъ къ себѣ и ко всему своему глубочайшее презрѣніе. То — Западъ, а то — мы, куда намъ ужь до Запада, такъ отвѣчаютъ обыкновенно соціаль-демократамъ. Но позвольте, господа, зачѣмъ же такое смиреніе? Почему вы думаете, что мы представляемъ собою какую-то отверженную расу, что мы навсегда останемся пасынками исторіи? Васъ все смущаетъ воспоминаніе о самобытности, отъ которой

*) Революціонеры, склоняющіеся къ либерализму, въ особенности уповали на *земства*. Въ земствахъ преобладающая и руководящая роль принадлежала *дворянству*. Слѣдовательно можно сказать, что стремленія нашихъ революціонеровъ стали въ последнее время опредѣляться такимъ образомъ: одна часть ихъ (либералы) фактически рассчитывала преимущественно на дворянство, т. е. на *эксплуаторовъ*, другая (соціаль демократы) на рабочихъ, т. е. на *эксплуатируемыхъ*.

вы и сами не ожидаете ничего хорошаго въ политикѣ. Вы разсуждаете такъ: ни дворянство наше, ни буржуазія не имѣютъ значенія, принадлежащаго или принадлежавшаго этимъ классамъ на Западѣ, слѣдовательно и рабочему классу не суждено у насъ уподобиться западно-европейскому. Но вѣдь этотъ выводъ совсѣмъ не основателенъ. Что подумали бы вы о критикѣ, который, изучивъ русскій классицизмъ и романтизмъ, Сумароковыхъ и Марлинскихъ, сказалъ бы себѣ такъ: русскіе классики и русскіе романтики ровнехонько ничего не стоятъ въ сравненіи съ западно-европейскими; изучать ихъ не стоило труда, слѣдовательно не стоитъ изучать и русскихъ реалистовъ; вѣроятно всѣ эти Толстые и Тургеневы не болѣе какъ Сумароковы современнаго беллетристическаго реализма. Какъ вы думаете, былъ бы правъ нашъ критикъ? А вѣдь его умозаключеніе относительно русской реалистической беллетристики было бы построено на основаніяхъ, совершенно подобныхъ тѣмъ, на которыхъ вы основываете ваше мнѣніе о будущей роли русскаго рабочаго класса. Вы разсуждаете такъ же отвлеченно и потому односторонне, какъ разсуждалъ бы нашъ воображаемый критикъ. Вы не принимаете въ соображеніе того, что условія нашей общественной жизни быстро измѣняются, а отъ нихъ-то все и зависитъ въ политикѣ, какъ и въ литературѣ. Не было у насъ общественныхъ условій, благоприятныхъ для самостоятельнаго творчества, — не было и самостоятельныхъ художниковъ, а были только подражатели; явились условія, благоприятныя для самостоятельнаго творчества, — и подражатели совсѣмъ ступевались, а на первый планъ выступили самостоятельные художники. То же самое и въ политикѣ. Пока условія нашей социальной жизни не были похожи (на условія жизни европейской, невозможно было и сословіямъ нашимъ играть такую же роль, какую играли западныя сословія. Историческая роль нашего дворянства дѣйствительно во многомъ отличается отъ роли дворянства западно-европейскаго. Но условія нашей социальной жизни измѣняются, они уже значительно измѣнились и чѣмъ дальше, тѣмъ больше будутъ измѣняться. Поэтому слѣдующій за дворянствомъ классъ, буржуазія, навѣрное сыграетъ роль, уже во многихъ отношеніяхъ похожую на роль западной буржуазіи*). Рабочій же классъ прямо не въ состояніи будетъ найти иной роли, чѣмъ та, которую этотъ классъ имѣлъ на Западѣ, совершенно такъ же, какъ не могли бы наши современные художники не быть реалистами, если бы даже и захотѣли этого. Русскій рабочій классъ это тотъ классъ, которому суждена *наиболѣе европейская роль* въ русской политической жизни, поэтому и партія, представляющая его интересы, необходимо будетъ *наиболѣе западническою* изъ всѣхъ русскихъ партій.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ближайшею и важнѣйшей задачей русскихъ социаль-демократовъ являлась теоретическая выработка и

*) Не нужно, впрочемъ, забывать, что исторія и политическая роль различныхъ сословій и классовъ была далеко не одинакова въ различныхъ государствахъ Запада. Такъ напр. политическая роль нѣмецкой буржуазіи очень не похожа на политическую роль буржуазіи французской и т. д. Ошибочное представленіе о Западѣ, какъ о чемъ-то совершенно однородномъ, часто спутывало взгляды русскихъ революціонеровъ.

распространение ихъ взглядовъ въ средѣ революціонеровъ-идеологовъ. Теперь эта предварительная работа можетъ считаться законченною. Теперь русскіе социаль-демократы уже могутъ и должны взяться за практическую дѣятельность въ средѣ рабочихъ. Почва для нашей дѣятельности достаточно подготовлена исторіей, намъ нужно лишь энергически взяться за ея воздѣлываніе. И намъ стыдно было бы не проявить всей необходимой въ этомъ случаѣ энергіи, потому что насъ не могутъ смущать тѣ теченія въ русской социальной жизни, передъ которыми въ недоумѣніи останавливались революціонеры прежняго времени. Мы не боимся быстраго развитія капитализма въ Россіи: мы понимаемъ, что онъ приближаетъ насъ къ нашей цѣли. Не пугаетъ насъ и временное торжество реакціи: мы видимъ, что неумолимая логика исторіи вынуждаетъ самихъ реакціонеровъ разрушать своей экономической политикой ту социальную основу, на которой неизблемо покоилось когда-то безобразное зданіе русскаго самодержавія. Мы знаемъ непреодолимую силу историческаго движенія, и потому можемъ съ твердой и спокойной энергіей дѣлать свое дѣло. „Пусть будетъ что будетъ, а будетъ въ концѣ концовъ все таки на нашей улицѣ праздникъ“.